

18+

Сергей Лемехов

УТОЛИ МОИ ПЕЧАЛИ

или каким бывает счастье

Сергей Лемехов

**Утоли мои печали. Или
каким бывает счастье**

«Издательские решения»

Лемехов С.

Утоли мои печали. Или каким бывает счастье / С. Лемехов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592119-2

Перед вами сборник рассказов о непростых простых людях. Автор считает, что простых людей нет. Это те, кого мы мало знаем; чья жизнь пронеслась мимо. Все мы живем во времени, в котором родились, принимая его, при этом переосмысливая, сравнивая с чистыми идеалами, измеряя своим пониманием любви. Любовь всегда действенна, а не аморфна. Погружаясь в душу этих людей, мы находим себя и глубину, скрытую там. Каждый из нас — Вселенная, независимая планета на своей орбите.

ISBN 978-5-00-592119-2

© Лемехов С.
© Издательские решения

Содержание

Хочу такого мужа	6
Часть I – Душа на расстрел	6
Часть II – Друг Эгмонт	10
Часть III – Сказка о настоящем	13
Часть IV – До последнего дюйма	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Утоли мои печали Или каким бывает счастье

Сергей Лемехов

Редактор Илона Пшегодская

Корректор Александра Решетникова

Дизайнер обложки Илона Пшегодская

© Сергей Лемехов, 2022

© Илона Пшегодская, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-2119-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хочу такого мужа

Часть I – Душа на расстрел

Длинные выходные ноября обещали много радостей в семье Жоры Толкунова. Семья была небольшая: он, жена Лена и дочка Светочка. Небольшая и дружная. Георгий поздно женился, да и Лена была ему почти сверстница, а дочка появилась через год после свадьбы. Это было их огромное, не вмещающееся в душе общее счастье: маленькое существо с двумя косичками, которые и папа теперь умел заплетать. Конечно, всем премудростям он научился не сразу. Как-то Лена попала в больницу с воспалением лёгких, и Георгий остался один на один со Светочкой. Первым же утром понял, что не умеет завязать бантик. Старался, торопился... и справился. Дочка подсказывала. А уж если вовсе начистоту признаться, то она его и сделала на коленке, а Жора его только резинкой к пучку волос прикрепил, да так, чтобы на три дня. Ох и досталось ему потом за такие художества...

Этим утром он, получив список от Лены, отправился в магазин. Ему всегда нравилось самому ходить по магазинам за продуктами. Он как человек продвинутый вычитывал в рекламках об акциях с указанием скидок во всех окрестных магазинах. У Лены был подход совсем иной: шла в ближайший большой гастроном (супермаркет по-современному) и брала всё, что задумала. А акция там или не акция – даже не задумывалась. Не то, чтобы Жора был жадный – скорее рачительный.

– Так, Леночка, ну зачем ты кофе взяла, когда через дорогу скидка в двести рублей?

– Я же не каждый день кофе покупаю. Пока банку всю прикончим, то получится по рублю в день выгода.

– Нет, не по рублю. Банка дней на десять, а это по двадцать рублей в день! Мы же можем на пачку молочных сосисок наэкономить.

– Вот ты и экономь, а мне время дорого.

Впрочем, семейные конфликты на этом уровне противоречий и заканчивались.

* * *

В этот чудесный ноябрьский день Георгий возвращался из магазинов с двумя полными сумками (пакеты из «Пятёрочки», которые всегда были при нём) довольный собой и жизнью. Оставалось зайти только в булочную-пекарню за любимой выпечкой. Эту булочную он помнил ещё с тех времён, когда ничегошеньки-то и не было без очередей. Там и чай цейлонский «Три слона» в конце месяца выкидывали, и бублики с маком водились. Нет, булочную он на другие не променяет.

– Эй, мужик, дай десять рублей. Очень надо.

Обычно Жора такие просьбы игнорировал, но этот голос не был чужим... Он точно знал, кому он принадлежит. Георгий поднял глаза, взгляделся в пропитое лицо и не узнал в нём того, с кем в одном дворе вырос.

– Паша, это ты?

– Был и Пашей, и Павлом Николаевичем, а теперь просто хмырь.

– Ты меня не узнаешь? Помнишь, мы вместе в кино ходили? Помнишь «Последний дюйм»?

– Помню – не помню... Дай десяточку, а лучше соточку, а ещё лучше на бутылку.

– Нет, Павел Николаевич, не дам ни десятку, ни сотку, и на бутылку не дам.

– Ну что ж... «А пуля-дура прошла меж глаз ему на закате дня...»

- День только начался, Паша.
- Это он у тебя только начался, а у меня полночь.
- На. На бутылку, и сосиски возьми. Просыпайся, Паша.

* * *

В булочную-пекарню Георгий заходить не стал. Вся радость от встречи с любимой булочной исчезла, улетучилась. Домой он вернулся совсем никаким.

- Что случилось? Где же твоя выпечка?
- Булочная на ремонте.

Георгий соврал. Он не хотел ещё раз переживать увиденное – опустившееся существо, которое было когда-то его другом. И не просто другом, а заступником.

- А у нас хлеба нет.
- Хорошо, я в «Магнит» схожу. Ещё что-то надо?

* * *

Та весна была запоздалой. Ручьи побежали только в апреле. Он прекрасно помнил тот день – возвращался из музыкальной школы домой с окостенелыми пальцами от мороза. В школе пропали вареники. Хотелось выть, но Жора терпел. Главное – добежать до дома, а потом поставить руки под холодную воду. Они оттают. В футляре дорогая скрипка. Скрипка Страдивари. Конечно, никто в это не верил, а он верил. Под декой стояло клеймо – 1675 год и печать мастера. Подъездную дверь он открыл с большими усилиями, а ключ в дверном проёме уже не смог повернуть. Боль накрыла бесчувственные заокостенелые пальцы. Он дышал на них и беззвучно выл от боли. Ключ не поворачивался. Жора осел на резиновый коврик перед дверью и уснул. Ему снился сон из недавно увиденного фильма, где вели на расстрел советского разведчика под музыку Мендельсона – концерт для скрипки с оркестром ми минор. Зима, Мороз и эти звуки. Он их недавно извлекал вот этими заиндевевшими пальцами на скрипке Страдивари в школьном классе.

* * *

- Что с ним?
- Голодный обморок. Мамаша, кормить лучше сына надо. Глюкозу вкололи.

* * *

Апрель наконец-то отвоевал свои права, и побежали ручьи. Георгий любил такие солнечные дни с ручьями. По дорожкам, посыпанным песком, он побежал в лесочек – парк между дворами. Отодрал от сосны кусочек коры и начал точить лодочку. Кто не знает, то докладываю: лодочки из сосновой коры именно точили. По кирпичным стенкам, по отмосткам выводили идеально гладкие и овальные силуэты лодочек. Потом просверливали прутиком отверстия и вставляли мачту. А дальше каждый сам ставил свой парус. И бежали все они вдоль по апрельским или мартовским ручейкам с мечтой в будущее. Его будущее было в далёких, чужих странах. И пусть его расстреляют под звуки скрипки в ми миноре!

* * *

- Жорочка, вставай. За хлебом пора. Сейчас привезут. Иди, сыночек.

– Да, я не сплю. Сейчас.

В окно светила звезда с переменным сиянием – Капелла. Его заветная звезда.

* * *

Хлеб выгружали в два ночи горячим и сразу же с лотка продавали в очередь. Булочная открывалась в восемь. Он взял буханку чёрного за 11 копеек, два батона белого по 15 копеек, одну калорийную булочку за 10 копеек для младшего брата и рогалик для старшей сестры за пяточек. Она любила коржики, но ему не хватило одной копейки на коржик. Запах стоял неимоверно соблазнительный. Хотелось всё покусать и съесть. Он вдыхал этот запах и шёл домой по ночной заснеженной Москве. Утром в школу к восьми. Два часа на сон. Копейку сдачи он вернул в буфет, где лежали общие деньги. Их никогда не прятали в семье.

* * *

Венявский был вторым его любимым композитором. Он где-то прочитал в учебнике музыкальной литературы, что композитор влюбился в одну девушку, а её отец был категорически против брака. И тогда он решил покончить с собой, но перед этим решил написать и исполнить концерт о любви, нежности, преданности – о самом сокровенном. Он написал его за одну ночь. Потом размножил партитуру и назначил в Варшаве концерт. Прошло время для слаживания оркестра, но сам Генрик в репетициях участия не принимал. Генрик был полон решимости сейчас же после исполнения уйти из этого мира! Он играл так, как если бы его обнажённого вели на расстрел. Мороз пробирал по коже.

Правда всё это было или неправда, Жора не знал. Знал только одно: что именно так и надо! «Капелла, ты же не дашь соврать?»

Концерт закончился в полном молчании и тишине. Потом начались аплодисменты. На сцену вышел немолодой человек, держа за руку дочь, опустился на колени и вручил её руку в ладонь музыканту. Им рукоплескал весь зал. Они стали мужем и женой.

* * *

Жора проснулся сам. Пора в школу. От ночного похода ему достался ломтик белого хлеба с творогом и чай. Он жадно всё съел и поспешил обуваться. Пятнадцать копеек на буфет. Сегодня щедро. Значит, завтра пяточок.

* * *

В школе он почти ни с кем не ссорился, если не считать учительницу по литературе Эмму Викторовну, с которой вышел неразрешимый конфликт из-за Тараса Бульбы. Но это другая история. Не любил Георгий Тараса со всеми его бульбами. Была и более весомая причина не любить Эмму Викторовну. Она украла у него книгу Жюль Верна «Таинственный Остров». Это уже была вторая кража из его портфеля. Первым пропал учебник английского. Больше он ни слова не произнёс с англичанкой. Он знал язык лучше неё. Под музыку Мендельсона готовился к расстрелу. «Таинственный остров» он тоже не простил. Она что-то бормотала в классе, а он читал под партой. Она заметила, он сунул книгу в портфель, а когда ему портфель вернули, то книги там не оказалось. Зелёная обложка. Таинственный остров. Он замкнулся.

* * *

Павел появился в его жизни внезапно. Жору попросили выступить в школе на концерте, и он пришёл туда со своей скрипкой. Начались насмешки с самого порога. Он старался не реагировать. Они были для него почти врагами. Он знал, что сейчас раскроет футляр, достанет инструмент, и не будет никого вокруг – только он, скрипка и «Легенда» Венявского.

Когда отзвучали последние ноты, когда они угасли в большом зале и образовалась тишина, никто не реагировал, но поднялся долговязый парень, местный хулиган, и выкрикнул: «Браво, Жора!» – и все зааплодировали.

* * *

Теперь от того Паши осталась только тень. Все воспоминания разом нахлынули и разволновали Георгия. А впереди длинные выходные, и никуда от воспоминаний не уйти.

Вторник, 25 октября 2022 г.

Часть II – Друг Эгмонт

После обеда Жора с дочкой ушли в общую комнату посмотреть телевизор. Попереключав несколько каналов, Жора понял, что смотреть нечего. Где-то кривляния, где-то трепотня, где-то «Санта-Барбара». Сделал ещё одну попытку – и она оказалось немного более удачной. Шла передача о Леониде Когане, известном скрипаче, выдающемся музыканте и педагоге. Показывали чёрно-белые кадры хроники его выступлений.

– Пап, а почему ты не стал музыкантом?

– У меня данных для музыканта не хватило, Светочка.

– А каких данных?

– Ну, например, у меня была не кистевая вибрация, а локтевая. А это – приговор.

– Как у него?

Света показала пальчиком на экран телевизора.

– Действительно... Значит, ещё чего-то не хватило.

– А чего ещё чего-то?

– Понимаешь, я халтурил. Когда играл в оркестре со вторыми скрипками, то садился ближе к фаготам, кларнетам и валторнам, чтобы меня дирижёр не видел.

– Пап, если хочешь, чтобы тебя не видели, то садиться надо за первую парту, а не подальше.

– Да? А я об этом не знал.

– И что, как ты халтурил?

– Понимаешь, я в какой-то момент прекращал играть и слушал только оркестр. Не как все из зала, а изнутри. Представляешь, «Эгмонт», увертюра... помнишь, мы с тобой слушали недавно? И вот вся эта мощь, вся музыкальная лавина звуков зреет внутри, вокруг тебя, пока оркестр разыгрывается. Ты не играешь, а слышишь все инструменты. Вот сейчас они обрушатся на тебя – и мороз побежит по коже. А когда я играл, то слышал только себя. А мне хотелось чувствовать всё богатство звуков.

– А наука – это интереснее?

– Наука – это тоже гармония. Ты находишься внутри чего-то большого, ещё неведомого для тебя; пытаешься услышать и понять звуки отдельных явлений, чтобы постичь единство сущего.

– Пап, а почему она так жалостно написана, эта твоя увертюра?

– Она не моя. Её написал Бетховен в 1810 году, накануне большого похода Наполеона на Россию. Музыка скорбная, безнадежная, и тональность необычная – фа минор. Представляешь? Сначала тему ведут деревянные духовые, а потом передают всю тяжесть неизбежного скрипкам. Медленный темп, низкий регистр у струнных, однообразные аккорды, мрачность испанских замков... В самой увертюре предугадан финал. Такое мог написать только немец. Сначала Гёте – слова, а потом Бетховен – музыку.

Появилась Лена.

– Хватит девочке голову забивать всем этим. Ты ещё Шекспира ей перескажи.

– А и правда. Пойдём, Светик, погуляем?

* * *

На улице было не по-осеннему тепло и солнечно. Взявшись за руку с дочкой, Георгий брёл туда, где больше людей – то есть к ларькам, которых в ту пору в Москве было немаленько. Купили мороженое – рожки. Уж очень они их любили, с хрустящей вафелькой. В небольшом скверике схрумкали и пошли дальше в люди.

У длинного дома, что у станции метро «Народное Ополчение», заметил Жора вывеску над входом в подвальное помещение – «Пуховик». А раньше даже не обращал внимания, только по продуктовым специализировался. Рядом с «Пуховиком» была троллейбусная остановка и ларёк «Видео». Всё это опять напомнило о Паше.

- Здравствуйте. А у Вас есть «Последний дюйм»?
- Даже не знаю... Возьмите Ван Дамма, «Кикбоксер». Не пожалеете.
- Нет, нам бы для семейного просмотра.
- Тогда подождите. Сейчас пороюсь в коробках.

Прошло минут десять, и Жора уже хотел уйти от окошка, да и дочка дёргала за руку.

- Есть, есть! Берёте?
- Беру. А «Человек-амфибия» есть?
- Сейчас нет, а завтра будет. Придёте?
- Придём. Правда, Светочка?
- Придём, папа. Я люблю про рыбок.

* * *

В «Пуховике» их встретили неприветливо, но с улыбками. Для девочки здесь ничего подходящего не было, а для мужчины девочка не советчица. Подвал был длинный – где-то на полдома, и везде куртки, пуховики, тёплые штаны... Они прошли вдоль китайского пошива туда, где были большие размеры, и сразу же получили замечание:

- Это не Ваши размеры. Это XL и XXL. Вы в них утонете.
- А мы не для себя подбираем. В подарок, правда, Светик?
- Правда, папа, для дяди Паши.
- Ну, смотрите. Только мерять же надо. А какой у него рост?
- Рост... Кажется, выше Шварценеггера. Почти два метра.
- Это он у нас такой большой?
- Да, Светик. Большой, и ему теперь холодно.

* * *

Пакет с обновками они оставили в запирающемся предбаннике перед входной дверью, чтобы с Леной не объясняться. Вошли довольные и весёлые.

- А у нас есть что поесть?
- А мы тебе, мамочка, мороженое принесли. С хрустящей вафелькой.
- Ой, ты моё Солнышко! Умничка моя.

* * *

- Пап, а кто такой этот Эгмонт? Он твой друг, как дядя Паша?

– Эгмонт не мой друг. Он жил давно. Очень давно. Пять веков назад. Ни тебя, ни меня, ни мамы тогда ещё не было. Тогда в Европе – помнишь, я тебе показывал на карте? – везде творились войны. Могущественная Испанская империя дошла до берегов Северного моря. И Голландия, которая теперь называется Нидерландами, и маленькая Бельгия – всё было под испанской короной. Их главным соперником на море и на суше были британцы. Помнишь, это остров такой, чуть выше Франции? И был в те времена такой граф, то есть очень богатый человек, которого звали Эгмонт Ламораль. Он решил, что его страна должна быть свободной от чужого владычества. Он восстал.

- Это как?

- Он собрал своих друзей и они решили бороться.
- Они победили?
- Нет, их предали. Эгмонт попал в плен. В то время в Испании правил герцог Альба, то есть очень большой начальник. Все солдаты его слушались. Граф Эгмонт был брошен в тюрьму. Его пытали, требовали отречься от своих идей.
- А он?
- А он предпочёл умереть.
- Совсем-совсем?
- Да, совсем-совсем, но не совсем. Его помнят люди за такой несгибаемый характер, за любовь и преданность своему Отечеству.
- А ты, ты так мог бы?
- Я... я не знаю. Казнь графа Эгмонта Ламорала вызвала восстание всего народа, и Испания была вынуждена признать независимость Нидерландов и Бельгии от испанской короны. А моя казнь... как это может помочь стране?
- А что значит предать?
- Предать – это значит отречься: от тебя, от мамы, от всего, что нам вместе дорого. От этого я не отрекись. Ради этого и умереть можно.
- Совсем-совсем?
- Да, моя любимая. Совсем-совсем.
- И мы больше не увидимся? Совсем-совсем?
- Конечно, увидимся. Потому что у нас с тобой есть большая страна. И мы ей нужны. Как в увертюре: от трагического пиано музыка устремляется к форте.
- Это когда громко и лавиной?
- Да, именно.
- И страна нас защитит? И дядя Паша защитит?
- Да, моя любимая, и дядя Паша. Он именно такой. Он первым придёт на помощь.

Среда, 26 октября 2022 г.

Часть III – Сказка о настоящем

Лена осталась на кухне прибраться и вымыть посуду. Жора тоже умел всё это делать, но делал всё не так, не по-лениному. Полотенчико не расстелет, сразу в кухонный шкафчик убирает, а из него капает. Она как раскладывает? Так, чтобы всё под рукой. С закрытыми глазами может найти, а он опять по-своему. Так же и с холодильником. Он ничего найти не может, надо подсказывать, а сам разложит – так она ничего найти не может нужное. Нет, кухню мужчине доверять нельзя.

* * *

Георгий со Светой переместились в большую комнату и затихли. Видеоплеер проглотил кассету и начался фильм «Последний дюйм». Сразу же зазвучала эта песня: «Какое мне дело до всех до вас? А вам до меня!»

– Пап, а почему ему нет никакого дела до всех до нас? А зачем мы тогда смотрим на него?

– Ты не торопись, доченька. Это он так бравирует. Ему страшно, а он гонит страх от себя.

Он один, и ему хочется выжить в войне.

– Он не предаст?

– Нет. Бен не предаст. Он настоящий.

Молча смотреть фильмы они не умели. Поэтому Лена держалась в сторонке от этой неразлучной парочки. Им же всё нужно сразу обсудить.

– Симпатичный мальчик. У нас в классе нет таких. Все маленькие.

– Не торопи их. Они вымахают к концу школы.

– Под два метра, как дядя Паша?

– Кто-то под два, а кто-то и не под два. Все пригодятся в этой жизни. Среди наших лишних нет.

– А кто – наши?

– А все, кто есть в твоём классе, те и наши. И те, что на улице, тоже наши.

Фильм продолжался. Дэвид и его отец Бен разгружали самолёт и распаковывали оборудование для подводных съёмок. Бен командовал, коротко отдавая распоряжения, а Дэвид тотчас же их выполнял.

– Пап, а почему Бен такой грубый? Ни разу не сказал «пожалуйста».

– Он не грубый, а строгий. Сосредоточенный. Он же один с Дэвидом, без мамы, и не хочет баловать сына.

– А ты не строгий. Ты меня балуешь.

– Не строгий, но и не балую. Сегодня, например, только по рожку и съели. Разве это баловать?

– Ты мне истории рассказываешь разные. А я слушаю, слушаю тебя, любимый папочка. Так ты меня и балуешь.

* * *

Наступал в фильме самый драматичный момент: окровавленный Бен вынырнул из моря, упал на берегу. Покусанные акулами руки были сильно повреждены, но камеру и нож он не оставил на дне.

Света вцепилась в руку отца.

– А он выживет? Их найдут?

– Смотри. Немного осталось.

Дэвид тем временем разорвал отцовскую рубашу и перевязал покалеченные руки, снял с отца акваланг, принёс полотенце и подложил его под спину Бена.

Опять зазвучала эта волнующая душу музыка и песня «Какое мне дело до всех до вас? А вам до меня!» Дэвид, выбиваясь из сил, тянул отца к самолёту. Его охватывал страх, что отец умрёт, а значит, умрёт и он сам. Их никто не найдет. Нет, так не будет, будет по-другому.

В этот момент в комнату зашла Лена, увидела дочку всю в слезах, подбежала к телевизору и выдернула шнур питания из розетки.

– Ты отдаёшь себе отчёт о том, что ты делаешь? Посмотри на ребёнка! Она же плачет. Трудно хоть раз быть ответственным и почитать сказки на ночь?

– Какие сказки? «Колобка»? «Чёрную курицу» может, о патологическом предателе, слабобольном ничтожестве, чтобы только пожалели куриные ножки? Про Иванушку-дурачка, про Емелю, за которого все другие что-то делали?

– Ну, не нравятся тебе русские сказки, почитай Андерсена. Или Мэри Поппинс.

– Причём тут нравятся или не нравятся русские сказки? Они такие, какие они есть. Порочные. Их в другом возрасте можно читать.

– В каком же, интересно?

– Лет в восемнадцать, не раньше, а то и постарше. Сплошные «Гуси-лебеди».

– Так, Светочка, иди в свою комнату, с куклами поиграй.

– Я не хочу с куклами. Я с папой хочу.

– Иди. И дверь закрой.

Света послушно удалилась.

– Так, объясни мне, что с тобой происходит? Откуда вдруг такая неприязнь ко всему русскому? Ты что, туда глядишь?

Слово «туда» Лена выделила голосом, чтобы подчеркнуть куда именно – за бугор.

– Ты сама посуди: то Василиса Прекрасная, то Василиса Премудрая всё за Ивана-царевича сделает – и приготовит, и ковёр соткёт, и под хохлому распишет. А всех его трудов – только покручиниться нужному человеку или даже зверю лесному. Волка припахали, коняжку-инвалида с горбом за три моря гоняют жар-птицу ощипывать. Даже лягушку заставили на себя пахать. А сами? Только и знай что вздыхают. Ещё бы по таким женщинам не вздохать! Только нашей Свете они зачем такие иван-царевичи? Ни одного из них в её мужьях не хотел бы видеть – ни с полцарством, ни с цельным.

– Так, продолжай раскрываться. А «Гуси-лебеди» чем не угодили?

– Да это же жуть сплошная! Послушай, как она начинается: «Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький». Вникаешь? Мужик да баба. А у них дети. Если он мужик, а она – баба, что из детей вырастет? Вот и вырастают мужики да бабы. Но это цветочки.

На этот раз Жора разошёлся не на шутку.

– «Доченька, – говорила мать, – мы пойдем на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей – мы купим тебе платочек». Понимаешь, сразу же закладывается в голову ребёнка: сделаешь так, как надо – получишь вознаграждение. Потом они начинают учиться за получку в школе, становятся мужиками – за бутылку, вырастают бабами – всё за тот же платочек, становятся дамами – за шубу и новую машину себя разменивают.

Лена сжала губы и не перебивала. Пусть выговорится, а уж потом она ему ответит по полной программе.

– А дальше жуть сплошная. Девочка у окошка оставила братца, а сама тут же под окошком играет на травке. Вдруг появляются гуси-лебеди, крадут ребёнка и несут в избушку к Баба-яге. Не просто грабёж среди белого дня, а похищение ребёнка... казалось бы. Но кто они такие, гуси-лебеди? Это души умерших, а сама Баба-яга – это проводник между двух миров. Отсюда и обряды: баньку истопить – то есть обмыть, накормить – то есть помянуть, и спать уложить... жуть жуткая. Скорее всего, малыш что-то проглотил или астма у него, а сестра недоглядела.

Поэтому сейчас и в законах прописали, чтобы не оставляли детей без присмотра. Хорошо, я отвлекся. И вот когда девочка осталась один на один со своей бедой, бежит к печке с простым вопросом: «Видела, куда и кто?» Та ей что говорит? Условия ставит: дров наколи, печь растопи, тесто замеси, пирогов напеки. Что это? Это за гранью понимания. То же самое и с яблоной – хорошо хоть джем из своих кислых яблок не потребовала приготовить и на рынок снести, а выручку под корешок запрятать.

Лена продолжала хранить молчание, но вулкан зрел.

– Дальше и вовсе жуть начинается. Молочная река с кисельными берегами. Это символ чего? Нет, не избылиия. Молочной едой поминают покойников. И правильно, что девочка отказалась. Она не хотела смириться с мыслью, что брат умер. Она бежит по полям и болотам и, отчаявшись, идёт к дремучему лесу к избушке Бабы-яги, где и находит брата. А та уже и печь растопила, и баньку затопила. Даже мышка-норушка «за денежку малую – за мисочку каши» открывает девочке страшную тайну: они здесь погибли с братом, им надо бежать. То есть пока бедная девочка одна-одинёшенька металась в поисках средств спасения для брата, другие о своей корысти пеклись. Сдались той печке её пироги! А из кислых яблок и сидр нормально не приготовишь, а так заставили на обратном пути все сделать, да ещё спасибо сказать. Вот и в нашей жизни сейчас так получается – мечешься в случае беды от одного к другому, благодаришь за их же прописанную долгом работу, а они такие важные: «Мы теперь не печки-лавочки, а сфера услуг». То есть не за спасибо. А девочка даже киселя отведала, то есть подтравила себя ради брата. Ну и платочек от родителей в конце сказки. А потом удивляемся: «И в горящую избу зайдёт, и коня на скаку остановит». Между прочим, сам автор этих строк был запойным игроком-картёжником и пьяницей. Глушил вином жаления всяя Руси. Вот к чему приводят такие «Гуси-лебеди».

– Всё сказал?

– Всё. Хотя могу и другие разобрать подробно. Змей Горыныч, например, символизирует трёх богатырей земли Русской: Усыню, Дубыню и Горыню, которые отказались от крещения – от крещения, а не от земли русской! – и их записали в исчадие ада, то есть в царство Кощеево. А он не там живёт, его дом – Калинов мост, точнее, под мостом, по эту сторону, по живую. Усыня – это стихия воды и неводы, Дубыня – это леса, что нас защищали, и стихия ветра, а Горыня – горны, металл и огонь, из чего ковались победы. Кому они помешали? Вот тебе и принцип: кто не с нами, тот против нас. А вчера ещё друзьями были. И я некрещёный. Мне тоже теперь под тем мостом место? А про царя Гороха хочешь услышать?

– Всё сказал. Добавить ничего не хочешь?

– Всё.

– А что, по-твоему, детям нужно читать?

– Жюль Верна – «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров», Стивенсона «Остров сокровищ», да того же Андерсена или Баженова. Там всегда все всё сами и деятельные.

– Теперь послушай меня. Я подаю на развод. Дочь воспитывать я тебе не доверю.

* * *

Это прозвучало словно гром среди ясной ночи. Теперь уже поджал губы Жора. Подумал немного, пожал плечами и направился к порогу обуваться.

* * *

– Мам, а где папа?

– Он ушёл.

– Совсем-совсем?

- Я не знаю.
 - Нет, не совсем. Он пошёл дядю Пашу искать. Ему холодно.
 - Какого дядю Пашу?
 - Мне нельзя говорить. Это наша тайна. Мы для него тёплую одежду купили.
- Наступило молчание. Лена не знала, о чём и думать.
- Мам, Дэви и Бена найдут? Они вернутся домой?
 - Не знаю, Света, я не видела этот фильм.
 - А давай вместе досмотрим? Я без тебя боюсь.

Когда фильм закончился, Света не плакала. Наверное, она просто не хотела при маме показывать слёзы.

- Знаешь, мама, я хотела бы себе такого мужа, как Дэви. Он настоящий.

Четверг, 27 октября 2022 г.

Часть IV – До последнего дюйма

С двумя объёмными пакетами из «Пуховика» Жора вышел из подъезда и остановился под козырьком в нерешительности. «Где же мне его искать? Теплотрассы в ближайшей округе нет, а если он где-то в подвалах мыкается, то поиски – безнадёжная затея. Нет, подвалы можно исключить. Они все сейчас чьи-то – магазины, склады. Что ещё у нас есть поблизости? Железная дорога. Да, там безлюдно, а погреться и у костра можно». Решение было принято, но сначала Жора отправился к той самой булочной, где произошла эта встреча. «Подойду, а он меня опять окликнет: „Эй, мужик, дай десяточку!“ А если не окликнет, так пойду на пути». Намерения были ясны, задачи и цели поставлены.

Обычно, когда кто-то из семьи уходил из дома по делам или на прогулки, то, выйдя за козырек от подъезда на широкий тротуар, обязательно оборачивался и махал в окно. С этого ритуала начинался любой выход. На этот раз Жора намеренно не обернулся и не помахал в окно. Во-первых он обижен, а во-вторых и первого достаточно!

* * *

В поздний час людей у станции метро (как раз у булочной) было немного. Конечно, никто его не окликнул. Оставалось искать ветра в поле, то есть на железнодорожных путях. Честно говоря, Жора побаивался туда пойти, но и возвращаться пристыженным домой с этими пакетами он не хотел. Дочка не поймёт. «Дэви тоже было страшно. Он и вовсе ребёнок, а всё сделал правильно – до последнего дюйма», – с этими словами, сказанными самому себе в ободрение, и заспешил Жора в темноту.

* * *

Эта неожиданная и нежеланная встреча вывернула душу Павла наизнанку. Купленная бутылка водки покоилась в кармане нераспечатанной. В другом кармане молочные сосиски, подаренные Жорой. Нахлынули воспоминания. Но не о Жорике, а о себе – о том прошлом себе, когда горы готов был свернуть. Золото на юношеских, золото на взрослых городских, золото на союзных соревнованиях, спартакиада – и опять золото. Потом травмы, долгий путь восстановления... и бесславное завершение спортивной карьеры. Но и тогда он не сломался. Окончил институт, стал преподавателем физкультуры в школе, вёл легкоатлетическую спортивную секцию многоборья и факультативы. Женился. «Марина и сейчас красавица. Стыдно дома теперь появляться. Только её позорить перед всем домом», – горестно ему было всё это вспоминать.

Как? Почему он стремительно покатился по наклонной? «Только ли я один? Нас таких десятки миллионов по всей стране, которые „просто не вписались в рынок“. Вот и я не вписался в поворот», – мысли о себе не отпускали.

Вспомнил, каким вниманием был окружён со стороны молоденьких – да и не только молоденьких – учителей в школе. За ним пытались ухаживать – вернее сказать обхаживать, – а ему нравилось. Опять он первый парень. Да только кроме Марины ему никакая другая была не нужна. Завершился романтический период его дружбы со школой и начался другой, когда вдруг стали витать слухи о его похождениях, подвигах. Вызовы к директору на откровенные разговоры (совсем как в школьные годы), объяснительные на тему того, что он не верблюд, и в результате заявление по собственному. Вот тогда его депрессия и накрыла по полной, а друга лучшего, чем бутылка, не нашлось.

«Но это тогда не нашлось, а сейчас можно посмотреть и на себя, и на окружающую среду другими глазами. Сколько таких, что не вписались? Десятки миллионов. Сколько тех, что худо-бедно вписались? Миллионов пятьдесят. И все они оказались меня сильнее. Обидная истина. А сколько тех, что из не вписанных перешли в разряд вписанных? Я таких не знаю. Вот тебе и цель, Павел Николаевич». Он всегда умел с собой поговорить. Профессиональная привычка, которая осталась с ним, несмотря на годы помутнения.

Павел Николаевич (уже не Пашка и не хмырь какой) направился к железной дороге в стан своих сотоварищей по непутёвости.

* * *

Костёр на пустыре у железнодорожного полотна Жора увидел издали и медленно продвигался на огонёк. Как он будет с ними общаться? А вдруг придётся всю ночь там провести? «Пропахну едким дымом, от меня шарахаться начнут люди на улице. А может и не начнут. Да и что дым? Эх, жаль картошку из дома не захватил. Детство бы вспомнил. Как же здорово тогда было: надергаешь в огородах на Москварике картошечки молодой (как и все москвичи, Жора произносил название Москва-реки в одно слово с ударением на „а“, да ещё и через „и“), с ребятами костёрчик сочиним погреться, заодно и поесть. Ничего вкуснее я и не знаю до сих пор, чем обуглившаяся снаружи и пропечённая внутри картошка. Настоящий деликатес для пацанов. Надо будет Светочке дать попробовать. Лена не оценит, пальцы марасть не станет, да и корочку выкинет. А в ней вся суть», – с такими воспоминаниями шагать стало как-то веселее.

* * *

– Поглядите, господа-товарищи, интеллигент какой-то к нам пожаловал, да с двумя мешками. Наверное, подарки принёс, а мы стишки не выучили. Унесёт ведь обратно.

– А что, уже Новый Год? Чё-то опять без снега. Это хорошо.

– Нет, я к Павлу. Знаете такого? Он из ваших. Ну такой, под два метра. Я его друг.

– А, так это он от тебя нам бутылку водки и сосиски передал? Ну спасибо, мил человек.

– Так где он? Как мне его найти?

– Да сегодня он какой-то никакой. Потерялся человек среди городских повседневностей. Не выдержал трудностей романтической жизни в единении с природой в пределах городской черты.

– И всё же? Где он?

– Ушёл твой Паша, может ещё вернётся, конечно. К себе ушёл, в овражки. Оторвался от дружного коллектива обитателей трущоб.

– Речь у Вас развитая. Вы кто... по образованию?

– Извольте представиться – Кречетов Иван Иванович, преподаватель словесности в педагогическом университете... в далёком прошлом. А ныне – свободный художник, бродяга, исследователь городских пустырей. Между прочим, склонностью к бродяжничеству – да что там склонностью, там патология сплошная! – страдал сам Алексей Максимович Горький, урождённый Пешков. И посмотрите, какие великолепные произведения создал! Вот что значит из жизни образы брал и своими ножками вдоль да по матушке России походил. Но годы у меня не те, не молодые, поэтому и задачи ставлю поскромнее. А поесть Вы ничего не принесли? Кроме Горького страстью к бродяжничеству страдал другой гений, уровня всего человечества. Звали его Уильям Сайдис, американец. Так он в четыре года прочитал самого Гомера в оригинале, к восьми годам выучил восемь языков, в одиннадцать лет поступил в Гарвард, и что, я Вас спрашиваю? Стал просто гениальным отшельником. Карьера преподавателя не задалась из-за постоянных насмешек учеников, многие из которых были старше его самого. Пытался

заняться политикой – и кратковременно попал в кутузку. Пробовал писать, но мыслей много, а опыта житейского нет. Где он только не работал: и грузчиком, и мелким клерком, за любую работу брался. Но слава гения словно насмехалась над ним. Журналисты находили его, описывали подробности жалкого влачения бытия. И вот в тот момент, когда он приобрёл необходимый жизненный опыт, чтобы воплотить его через книги в образы, случается новая неприятность – он умирает. У Вас совсем-совсем ничего нет поесть, даже семечек? А я выбрал более размеренный и менее радикальный путь служения музам. Я делюсь рассказами с друзьями. Поверьте мне, уважаемый, это благодарное сообщество.

– Нет, поесть сейчас у меня с собой ничего нет. Действительно, я не подумал об этом. Там, у метро, есть магазин круглосуточный. Я бы дал Вам денег на продукты, но Вы же водку купите, а не поесть. А скажите, Иван Иванович, Вы сказки русские народные любите?

– Как Вам сказать... В русских народных сказках, практически в каждой, много мистического смысла. Они зарождались в момент единения славянского этноса и восходят исторически к языческим временам. Дети воспринимают сказки, как нечто увлекательное: поехал туда, сразился с тем, привёз трофей. Для детей это не материал для раздумий. Это, если хотите, то, что трогает и развивает их воображение, соединяет, так сказать, левое и правое полушария. В этом сегодня их основная функция для детского развития. Чем отличается тот же Кощей Бессмертный от Мерлина? Да ничем. Оба в лесах обитали, рядом у каждого своя ведьма. А вот с богатырями дело обстоит иначе. Рыцари Круглого стола воевали чаще с внешними соперниками, а русские богатыри чаще со своими собратьями, только наделяли их отрицательными свойствами. Так, из некогда своих ратников они превратились в изгоев: Соловей-разбойник, Змей Горыныч, Святогор с натяжкой... Это эхо междоусобицы. Интересно было бы посмотреть на судьбу Ильи Муромца, например, если бы Русь тогда приняла иудаизм. Но это тема для отдельной лекции. Ну, хотя бы сто рублей имеете?

– Имею. Интересно мне с Вами, Иван Иванович. Буду заглядывать на огонёк.

* * *

Овражки. Это на их дворовом языке так называлось то живописное место на берегу Москвы-реки. Там действительно было прежде много густо заросших оврагов, в которых мальчишки проводили изрядно много времени и находили для себя много полезного. Это и ветки под рогатки, трубки, чтобы пулять бузиной друг в друга перед цветением тополей; это и тарзанки. Аж дух захватывало. Дерево на вершине оврага, а долетаешь в высшей точке до середины, когда до дна высота с пятиэтажный дом. И ведь никто не побился, никто не соскочил. А всё потому, что от страха мертвецки держались за перекладину. Вот же были времена – сплошной адреналин.

Жора заулыбался, и на душе стало легче. Что-то хорошее в нём зрело.

* * *

Павел не решился открыть дверь своим ключом. Долго стоял у порога и прислушивался к себе и к тому, что за дверью. За дверью царила тишина. Он знал, что если позвонит и Марина ему откроет, пустит на порог, то обратной дороги в ту бродячую жизнь на дне уже не будет. «А хватит у меня сил? Смогу ли я сдержать слово и подняться? Мне сейчас как никогда нужна её сила, мудрость, терпение, поддержка. А если обману? Тогда просто утоплюсь», – он потянулся к звонку и услышал шум за дверью. В следующий момент она распахнулась. По другую сторону стояла Марина в халате и смотрела на Павла.

– Как? Как ты почувствовала, что я пришёл? Здравствуй, Марина.

– Здравствуй, Паша. Соседка тебя в глазок разглядела и мне перезвонила.

– Марина, знаешь, я сегодня Жору встретил. Помнишь, я рассказывал тебе об этом чуде? Он такой... Денег дал на водку и сосиски оставил. Был сначала радостным, а как меня узнал, так словно ночь вокруг опустилась. Угасла вся радость в лице. И у меня всё оборвалось. Оставил я и водку, и сосиски... там.

Павел сделал движение головой, словно отсюда могло быть видно это самое «там».

– Помоги мне подняться. Хочу вернуться в школу, к себе... к тебе. К Жорику.

– Возвращайся, Паша. Я ждала. Пойдём, я покормлю тебя.

* * *

Дом Жора хорошо помнил, помнил и этаж, а вот какой подъезд – это ушло из памяти. «Их всего четыре. Точно не крайние, а вот второй или третий?» – этого он не знал теперь. Да и был он в квартире у друга только раз. Он же всё время на сборах, а Жора на репетициях или в физмат школе. Вспомнил детскую считалку: «Эники-беники ели вареники». Получилось, что в третьем подъезде.

Жора поднялся на пятый этаж. Нерешительно замер у двери, прислушиваясь. «Кажется, квартира обитаема. Может, Паша после ванны ужинает? Голосов не слышно. Это хорошо. Получается, что без скандала домой попал. А если это не та квартира? Всё-таки эники-беники не совсем научный метод определения...»

В этот момент дверь распахнулась второй раз за ночь. На пороге стояла высокая красивая брюнетка с собранными волосами и в домашнем халате.

– ...Сработали беники. Вполне себе научный метод.

– Кто Вы? Что Вам надо? Какие беники?

Марина перевела глаза на пакеты из «Пуховика». «А, это он мне предлагает треники. Треники, только с дикцией проблемы. Стоп, какие треники в три часа ночи?»

– Нет, я ничего покупать с рук не буду.

Марина хотела уже захлопнуть дверь перед растерянным Георгием, как из-за спины раздался голос Павла:

– Марина, это Жорик. Тот, о котором я тебе рассказывал.

– Марина, Вы красивая, очень приятно. Я для Паши тёплые вещи принёс. Всё новое, неносеное. Я только ценники срезал. Паша хороший. Он обязательно поднимется. Уж я-то его знаю.

– А если по размеру не подойдут? И не обменяете, и сдать не получится.

– И не надо будет сдавать. Я знаю одно место, там всегда подойдёт и по фасону, и по размеру.

– Зайдите хоть погреться.

– А как Вы узнали, что я под дверью стою?

– Соседка в глазок увидела. Перезвонила на домашний. Бессонница у неё. «Культуру» смотрит и в глазок.

* * *

В комнате Павла почти не было мебели. Книжки лежали стопочками на полу, небольшой столик рядом с матрасом, больше похожий на этажерку с хлипкими ножками. Зато стены были увешаны медалями на широких ленточках, кубки на полочках и фотографии из школы с учениками в спортивной секции. Красавец Павел в центре событий.

* * *

- А поссорились-то из-за чего?
- Не поверишь, Паша: из-за русских народных сказок. Особенно из-за этих, будь они неладны, «Гусей-лебедей». Я научно обосновал, а она на развод подаёт.
- То есть сам виноват. Эх, Ивана Ивановича на тебя нет.
- Как же нет... Я с ним час или больше беседовал, когда тебя искал.
- И что? Понял что-то?
- Понял. Пора прекращать эти глубинные копания.
- Правильно. Я вот мультяшник помню «Ивашка и Баба-яга». Там тоже гуси-лебеди. Смешной, добрый. Да и в других Кошечках, Соловьях-разбойниках и Горынычах давно уже не видят злодеев. Примирились. Все теперь наши.
- Как ты сказал? Все наши? Точно! Я же сам сегодня это Светочке говорил. Все наши – и те, что на улице. Пойду я, Паша.
- Куда же ты пойдёшь в четыре утра? Дождись автобусов.
- Пойду я, Паша. Лена ждёт, да и сказку-другую дочке читаю.
- Какую сказку-другую, Жора? Дождись хотя бы, когда рассветёт.

* * *

Предновогодние хлопоты – это значимое и приятное занятие для всей семьи. С утра Георгий прошёлся по магазинам, собрав все скидки. Потом ещё раз вышел и вернулся через полтора часа с новой историей от Ивана Ивановича. На сей раз подробному разбору подвергся Байрон. Досталось и Александру Сергеевичу за повышенную ревнивость.

Лена колдовала на кухне. Салатик оливье оставалось только заправить. Она не торопилась. Это лучше сделать попозже. Сейчас она была занята сразу несколькими блюдами одновременно. Натёрла лимоны для лимонного пирога, подготовила тесто; на плите булькала свекла, из которой потом она приготовит чудесный салатик – тёртая свёкла с майонезом провансаль, заправленная солёными огурчиками («Молодец, Жора, умеет выбирать»), чесночком и присыпанная тёртым грецким орехом. И конечно отварная пёстрая фасоль как гарнир к запечённому мясу с лучком под майонезом и сыром. В общем, много было дел, чтобы сказочный стол стал быльё.

Жора со Светиком нарядили ёлку, спрятали каждый в своих укромных местах подарки друг другу, чтобы выложить под бой курантов, и обнаружилось, что у них ещё остаётся масса времени. Можно и сказки читать, и видео посмотреть.

В дверь позвонили. Лена крикнула Жоре, чтобы он открыл, а то у неё руки в свёкле. Оказалось, что это Паша зашёл. Один. Марина колдовала на кухне. Он сильно изменился: помолодел, немного поправился, но всё равно безупречно стройный парень. Хоть сейчас на доску почёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.